

УДК 94:130.2"18/19"

И. В. Ключева

**Филантропическая деятельность Александрины Равиццы
в контексте российско-итальянского культурного диалога**

В статье рассматривается деятельность знаменитой итальянской филантропки, общественного деятеля, россиянки по рождению и воспитанию Александрины Равиццы (Массини, 1846—1915), анализируются ее идейно-нравственные основы. Подчеркивается роль России и русской культуры в становлении личности Равиццы. Выявляется круг ее общения и роль, которую она сыграла в творческой судьбе двух крупных художников XX в.: российского скульптора С. Д. Эрзья и итальянского живописца У. Боччони.

Ключевые слова: *А. Равицца, С. Д. Эрзья, У. Боччони, филантропия, российско-итальянский культурный диалог, «игрушки Монтессори».*

I. V. Klyueva. Alexandrina Ravizza's philanthropic activities in the context of the Russian-Italian cultural dialogue

The article considers the activities of the famous Italian philanthropist, social activist, a Russian by birth and upbringing Alessandrina Ravizza (Massini, 1846—1915), analyzes its ideological and moral foundation. It emphasizes the role of Russia and the Russian culture in the formation of the philanthropist personality. It reveals her circle of friends and the role she played in the creative fates of two great artists of the XXth century: the Russian sculptor S. D. Erzia and the Italian futurist painter U. Boccioni.

Keywords: *A. Ravizza, S. D. Erzia, U. Boccioni, philanthropy, Russian-Italian cultural dialogue, «Montessori toys».*

Имя знаменитой итальянской филантропки, благотворительницы, меценатки, социального педагога, общественного деятеля Александрины (Алессандрины) Равиццы сегодня практически неизвестно на ее родине — в России. Между тем оно навсегда вписано в историю Италии, прежде всего северной области страны —

Ломбардии с ее столицей Миланом. «Великая женщина, возможно, самая крупная личность из всех, кого я когда-либо знала», — писала о Равицце писательница Сибилла Алерамо [15, с. 8]. «В течение пятидесяти лет Александрина Равицца находилась в центре активной социальной работы и, вероятно, являлась самой популярной женщиной в Милане», — подчеркивает Л. Лучано в недавнем номере журнала «*Samica rossa*», выпускаемого Национальной ассоциацией ветеранов-гарибальдийцев [19, с. 16]. Равицца являлась ключевой фигурой в благотворительной и филантропической деятельности в Милане, заслужив высокие звания, данные ей простыми людьми, подлинные «народные титулы»: «Мадонна бедных», «синьора отчаявшихся», «светская святая», «великая утешительница» и др. В 2015 г. в Италии отмечалось 100-летие со дня смерти филантропки. К этой дате вышел в свет сборник статей о ней [16], проведены встречи с его авторами, выставки и другие мероприятия. В 2016 г. исполняется 170 лет со дня ее рождения.

Александрина Равицца (в девичестве Массини) родилась в 1846 г. в Гатчине под Петербургом. Ее отец, итальянец из Милана, попал в Россию в рядах наполеоновской армии. Оказавшись в плену, он принял российское подданство и служил, по одним данным, по ведомству народного просвещения, по другим — по военному ведомству. Мать Александрины — Катерину Бауэр — источники называют то русской [8, с. 374; 2, с. 410], то немкой [18, с. 716; 19, с. 15]: вероятно, она происходила из русско-немецкой или обрусевшей немецкой семьи. Она умерла, когда Александрине было девять лет.

Семья принадлежала к верхушке среднего класса, и девочка, окруженная гувернантками, получила прекрасное образование: владела восемью языками, хорошо знала классическую литературу, увлекалась музыкой и изобразительным искусством. Подруга Равиццы — поэтесса Ада Негри — считала, что у нее «русская», «славянская» душа, основные свойства которой — «неумолимая последовательность, стремление добиться поставленной цели хотя бы ценою самой жизни», «стальная твердость характера, презрение к опасности, отважное и спокойное мужество», и эти свойства смягчены «чисто итальянским любвеобилием и нежностью сердца» [8, с. 374].

В 1861 г. Александрина покинула Россию: жила в Бельгии, затем в Швейцарии (в Локарно), в 1863 г. вместе с сестрой приехала

в Милан, где обе собирались совершенствоваться в пении. В 1866 г. она вышла замуж за состоятельного инженера Джузеппе Равиццу — управляющего пригородными железными дорогами — и осталась в Милане навсегда. В первые годы замужества обаятельная интеллектуалка довольствовалась ролью хозяйки ставшего известным в городе литературно-художественного салона, который охотно посещали политики и деятели культуры, представлявшие «крайне левую» идеологию Италии, выдержанную в духе антиклерикальных, демократических и республиканских взглядов ведущих деятелей итальянского Рисорджименто (движения за освобождение и объединение страны) Джузеппе Мадзини и Джузеппе Гарибальди.

В 1868 г. Равицца знакомится с филантропкой и меценаткой, активисткой Рисорджименто Лаурой Мантегаццей (1813—1873), которую называли «гарибальдийцем без пистолета» [19, с. 15]. Вместе с женой Гарибальди Анитой и матерью Мадзини Марией Драго Лаура собирала деньги для гарибальдийцев, ухаживала за ранеными, после победы национально-освободительного движения в 1870 г. выступила с требованием политических и гражданских прав не только для мужчин, но и для женщин, была сторонницей женской эмансипации. «Эта женщина помогла Александрине найти себя самоё, свое настоящее призвание, — писала Ада Негри. — Догадавшись о скрытых силах, ищущих выхода в душе Равиццы, Лаура зажгла ее своим пламенем, сделала из молодой женщины своего товарища и сподвижника» [8, с. 374].

Милан — самый богатый и промышленно развитый город Италии — был городом ярко выраженных социальных контрастов: окраины столицы мировой оперы представляли собой жалкие трущобы, где жили представители рабочего класса, было много безработных, нищих, с трудом переносивших суровую ломбардскую зиму, страдающих от холода и голода. Не случайно Милан становится центром рабочего и социалистического движения. В 1860 г. была основана Генеральная ассоциация взаимопомощи рабочих Милана, сотрудничество с которой Равицца начала в 1868 г. В рамках этого сотрудничества в 1870 г. Мантегацца и Равицца организовали народное женское профессионально-техническое училище, в котором обучались девочки из бедных семей, приобретая профессиональные навыки, позволявшие им найти достойную, квалифицированную ра-

боту. Две энтузиастки занялись проблемами социальной защиты работающих матерей, основали первый приют для матерей с грудными детьми.

После смерти Лауры Александрина продолжила ее дело, спасла училище от закрытия, сумев привлечь к его финансированию состоятельных меценатов и даже увеличить число учащихся. Она организовывала благотворительные спектакли, концерты, выставки, базары и другие мероприятия, направленные на сбор средств для бедняков. Ей помогали многочисленные друзья, в числе которых были выдающаяся актриса Джасинта Пеццана, писательницы Сибилла Алерамо и Ада Негри, русская революционерка-народница, затем деятельница итальянского социалистического движения, одна из первых дипломированных женщин-врачей Анна Кулишёва (Анна Моисеевна Розенштейн) и др.

Равицца основывала свою деятельность на принципе универсальности человеческой природы, на убеждении в том, что права каждого человека являются одной из форм естественного права — вне зависимости от пола и социального статуса. Она считала, что благотворительность оказывает позитивное воздействие не только на тех, кто получает помощь, но и на тех, кто ее дает, прежде всего на неработающих женщин из среднего и высшего класса. Сбор средств для бедняков, организация благотворительных базаров делают их более самостоятельными, независимыми от мужского влияния, учат распоряжаться наличными деньгами, разбираться в экономической и хозяйственной жизни, способствуют духовно-нравственному развитию. Она была убеждена, что благотворительская деятельность в конечном счете поможет восстановить национальное единство народа Италии на основе принципов справедливости и социального равенства.

В очерке «Мои воришки. Рассказы из миланских трущоб» (1906; в русском переводе — «Мои воришки. Из жизни подонков Милана») Равицца писала: «Интерес к социальным явлениям, с которыми не приходится сталкиваться непосредственно в жизни, не может возникнуть у человека сам собою. Особенно у женщин из “общества”. Необходимо для того, чтобы какой-нибудь из ряда вон выходящий случай произвел на нас очень сильное впечатление, задев наиболее чувствительные струны души нашей. Тогда вселяется в нее “святое

беспокойство” и, постепенно нарастая, властно побуждает нас к ответственному вмешательству в окружающее зло» [10, с. 375]. Для самой филантропки таким «из ряда вон выходящим случаем» стала скупая газетная заметка о самоубийстве 14-летнего подростка, заключенного в тюрьму за преступление, которого он не совершал: «Несчастный мальчуган, стоически расстающийся с жизнью, чтобы громко провозгласить о своей невинности, совершенно завладел моим воображением. Мысль о нем неотступно преследовала меня, как кошмар. Я и не подозревала раньше, что детей сажают в тюрьму. И как-то никогда не задавала себе даже вопроса, все ли дети растут в семье, окруженные любовью и заботами. Теперь я впервые поняла, как преступно неведение социального зла... И я дала мысленно торжественное обещание этому невинному существу... что постараюсь поддержать по крайней мере хоть некоторых из его товарищей, скользящих по наклонной плоскости от голода к пороку и преступлению» [Там же]. Не имея собственных детей, Равицца отдавала свою любовь и внимание обездоленным детям городского «дна».

Среди подопечных филантропки были те, на кого традиционные благотворительные организации не обращали внимания, она помогала изгоям общества: опустившимся, отчаявшимся людям, вора и проституткам, больным неизлечимыми болезнями, посещала больницы, тюрьмы, подвалы, грязные городские трущобы.

В 1879 г. Равицца основала «Кухню для бедных больных» в нищенском квартале Порты Гарибальди, сбор денег для которой доверила маленьким уличным воришкам, состоящим на учете в полиции, и бывшему каторжнику, ставшим ее друзьями. Это был воспитательный акт: она лечила не только тела, но и души людей — своим доверием. «При самом низком падении человека она умеет разглядеть в нем проблески духовной красоты, божественную искру», — подчеркивала Ада Негри [8, с. 375]. После открытия кухни у Равиццы появился первый «народный титул» — благодарные обитатели квартала называли ее «графиня бульона».

В 1888 г. к кухне была присоединена бесплатная медицинская клиника с палатами для выздоравливающих (куда принимали пациентов, досрочно выписанных из больниц) и с гинекологическим кабинетом (где в любое время суток оказывалась родовспомогательная помощь). В клинике работали, в частности, «доктор бедняков»

Анна Кулишёва и известная суфражистка Эрсилия Майно (Бронзини). Позже Равицца организует для бедняков благотворительный кооперативный склад-магазин.

В мае 1898 г. в Милане произошла всеобщая стачка рабочих, переросшая в баррикадные бои с правительственными войсками, тюрьмы были переполнены политзаключенными (репрессиям подверглись, в частности, Анна Кулишёва и учительница Линда Мальнати, обвиненные в политической пропаганде). Равицца, Пеццана и другие активистки призвали итальянцев подписать обращенную к парламенту страны петицию в защиту политзаключенных, начали сбор средств на их питание. Равицца обошла директоров и хозяев промышленных предприятий и добилась от них согласия на то, что вышедшие из тюрьмы рабочие будут восстановлены на своих местах. Позже ей удалось добиться у правительства крупной суммы на компенсации для уволенных.

В 1899 г. был образован Национальный женский союз — объединение сторонниц женской эмансипации, ведущую роль в котором играли социалистки Эрсилия Майно и Линда Мальнати. Активистками Союза была Равицца и все ее подруги. Деятельность этих выдающихся женщин считают первым этапом феминизма в Италии, хотя сами они предпочитали термин «суфражизм». Они выступали не только за женское избирательное право, но и за равенство в экономической, социальной и личной сферах: требовали разработки законодательства по защите женского и детского труда, равной оплаты труда между полами, организации детских садов, необходимых работающим матерям, введения обязательного начального образования, в том числе для девочек, либерализации законов о разводе и т. д.

Равицца понимала, что для преобразования общества на основе равенства и справедливости материальной поддержки («милостыни») недостаточно, необходимо повышать образовательный уровень людей, в том числе женщин, дать им «культурные инструменты» для профессионального становления и личностного роста. Вместе с Линдой Мальнати она становится соучредителем Народного университета в Милане, в котором представители разных социальных слоев, в том числе простые рабочие и работницы, могли бесплатно общаться к ценностям культуры. Торжественное открытие универ-

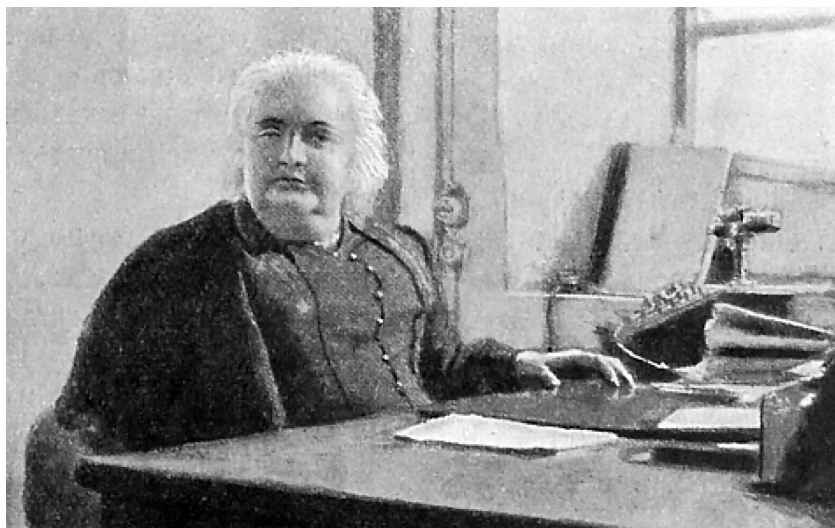
ситета состоялось 1 марта 1901 г. в театре «Олимпия». В первый же сезон работы его слушателями стали 10 тысяч человек [см.: 19, с. 17].

Важным направлением работы Женского союза была борьба с проституцией как следствием безработицы и социального неравенства. Равицца и ее друзья работали в Комитете противодействия «белой работоторговле», т. е. принуждению к занятию проституцией. Комитет, основанный в 1901 г. Эрсилией Майно, совместно с полицией проводил работу по анализу этого явления и прекращению деятельности преступных групп, занимающихся сексуальной эксплуатацией. В октябре 1906 г. в Милане состоялся Первый международный конгресс по борьбе с безработицей, на котором Равицца выступила с докладом на эту тему.

В открытой филантропкой клинике было выявлено большое количество проституток с венерическими заболеваниями, и в 1904 г. она организовала экспериментальную школу-клинику для женщин и детей, больных сифилисом — в то время неизлечимой болезнью. Ада Негри писала: «...она основала при сифилитическом госпитале рукодельную школу для падших женщин и детей, зараженных этой ужасной болезнью... Дети с отравленной кровью встречают там ласку и уход. На Рождество для них устраивается елка, раздаются игрушки... Единственная, может быть, радость в их жизни. Найдутся люди, которые назовут это ненужной, бесполезной жалостью. Но не существует “ненужной” жалости! И скрасить хоть на миг жизнь несчастного ребенка — достаточно для оправдания своего собственного существования» [8, с. 374—375].

В августе 1907 г. некоммерческая организация «Гуманитарное общество», созданная в Милане в 1893 г. по завещанию филантропа Просперо Мозе Лории, открыла в городе Дом труда (Casa di Lavoro), на должность директора которого была назначена Равицца. Эта скромно оплачиваемая должность выявила все ее организационные и управленческие навыки: она налаживала финансирование и деятельность различных отделов Дома, осуществляла подбор кадров, занималась урегулированием юридических вопросов. Обездоленным здесь выдавалась одежда, небольшая денежная сумма, на три недели предоставлялось питание, кров и несложная работа: они делали деревянные инструменты и примитивную мебель, клеили картонные коробки, конверты и бумажные мешки, женщины шили и вяза-

Александрина Равицца в своем кабинете в Доме труда.
 Фото из журнала «Нива» (СПб., 1912)

ли. Желающие посещали уроки рисования. За это время им подыскивалось постоянное рабочее место.

Как пишет Лучани, «самым оригинальным видом деятельности» Дома труда было «производство игр и учебных материалов, разработанных в соответствии с инновационным методом педагога Марии Монтессори..» [19, с. 18]. В 1908 г. в Милане при поддержке Гуманитарного общества была открыта школа Монтессори — Дом ребенка под руководством Анны-Марии Маккерони (первый Дом ребенка под руководством самой Монтессори открылся в Риме в 1907 г.). Равицца подсказала педагогу-новатору один из эффективных способов развития детей, о чем написала сама Монтессори: «Г-жа Алессандрина Равицца из Милана изобрела художественные игрушки, из которых некоторые я ввела в свою дидактическую систему» [6, с. 180]. «Игрушки Равиццы» — деревянные фигурки, изображающие дерево, домик, животных и т. д., а также карикатурные человеческие фигурки из геометрических тел. «Дети рассказывают, что означает игрушка. Они с удовольствием берут ее в руки, осматривают со всех сторон, вертят в руках», — писала Монтессори [Там же]. Игрушки разных форм помещались в полотняный мешо-

чек («волшебный мешочек»), и ребенок должен был на ощупь определить их форму. «Цель этих художественных игрушек, — подчеркивала Монтессори, — приучить ребенка к интерпретации фигур, которые он видит в иллюстрированных книгах, на картинах и т. п. Игрушки Равиццы — это *мост*, постепенно ведущий ребенка к умению наслаждаться фигурой и краской» [6, с. 180—181].

Российские специалисты по развивающим играм для детей не без удивления отмечают, что «игрушки Равиццы» очень похожи на русские народные игрушки — бирюльки. Так, В. Кузнецов пишет: «Для развития восприятия люди успели придумать немало приспособлений... Заслуги некоей госпожи Алессандрины Равиццы принято считать далеко не последними в этой области... Лично мне не очень понятно, почему фигурки Равиццы, фактически повторяющие русскую народную игру в бирюльки, обрели такую популярность, а о намного раньше существовавших бирюльках ничего особо и не известно... Бирюльки — те же самые фигурки Равиццы, вот только более объемные и без ножки. Алгоритм игры точно такой же... Бирюльки незаметно развивали в ребенке внимательность, абстрактное мышление, умение сопоставить тактильное и зрительное восприятие» [5].

Часто «игрушки Равиццы» вместе с другими дидактическими пособиями, примененные Монтессори, называют «игрушки Монтессори» («Монтессори-материалы»), поскольку имя Равиццы современным педагогам (тем более за пределами Италии) ни о чем не говорит. Знакомство с биографией этой замечательной женщины свидетельствует, что «игрушки Равиццы» ведут свою родословную непосредственно от русских бирюлек. Воспоминания о России, вероятно, всегда много значили для нее: не случайно до конца своих дней она просила называть ее по-русски — «Саша», как называли ее в детстве [18, с. 716; 23, с. 3]. Ада Негри считала, что ключом к тайнам души Равиццы является ее рассказ «Записки прачки» (1912), где в образе русской девочки-подростка Веры, выписанном в «толстовском духе», Равицца изобразила себя, рассказав о своем детстве в России. Девизом героини стало слово «истина», которое она вырезала на коре дерева. Девочка, уставшая в городе от лицемерия и фальши гувернанток, исцеляется душой в деревне, в усадьбе некоего Егора Матвеевича, среди простых людей. Она подружилась с сиротой

Ванькой, подобранным обитателями усадьбы, и с кучером Федором: «Ванька — дикарь, Федор — мистик. Оба неграмотны. Она учит их читать; они учат ее, что нельзя быть счастливым и благополучным вне связи с Матерью-Землей. Она любит деревню, запах сена, красивых пятнистых коров с добрыми глазами, крестьян — таких же простых, как эти коровы, язык ветра, шумящего в вершинах деревьев, тишину в лугах, длинные песни, которые поет Федор» [20, с. 14—15]. Из этого произведения Равиццы становится понятно, насколько близкой была для нее русская культура — не только элитарная с ее великими писателями, но и народная. Вероятно, в русской деревне, в крестьянской среде она и познакомилась с игрой в бирюльки.

«Тайной страстью» Равиццы было писательство, но и ее она обратила на пользу главному делу своей жизни: писала о своей работе, веря в то, что вносит вклад в дело нравственного воспитания читателей и изменения общества на основе справедливости. Несколько очерков было опубликовано при ее жизни — в сборниках или в виде отдельных брошюр («Женщины в Италии» (1899), «Мои воришки. Рассказы из миланских трущоб» (1906), «Записки прачки» (1912). Посмертно были опубликованы ее воспоминания «Семь лет жизни в Доме труда» (1915) и очерк «Любовь» (1917).

Любовь — важнейшее понятие в мировоззрении Равиццы. Действия филантропки основывались на убеждении, что «только с любовью мы можем улучшить мир, всякое чудо поэзии и науки происходит от любви... всякое благо для человечества исходит лишь от сердца, которое способно по-настоящему любить» [Цит. по: 19, с. 15]. Ада Негри подчеркивала: «Ее призвание — любовь к обездоленным, культ добра... В суровой школе жизненного опыта закалила избранная женщина свой природный дар — альтруизм» [8, с. 374]. Ответом была любовь к ней окружающих: «...Обедневшее население Милана любит и благословляет ее, эту женщину, отважно спускавшуюся на самое дно нищеты, порока и преступления, чтобы протянуть руку помощи побежденным в жизненной борьбе... Александрина Равицца творит чудеса: поддаваясь обаянию ее образа, ее речи, ее взгляда, безнадежные пьяницы покидают кабаки и вступают на путь полного воздержания; профессиональные воришки, убереженные ею от тюрьмы, превращаются в безукоризненно порядочных людей; падшие женщины, извлеченные ею из вертепов и больниц, становят-

ся честными работницами...» [Там же]. Любовь давала филантропке жизненные силы, по свидетельству Ады Негри Равицца всегда была энергична и весела, любила смеяться. Она любила чистоту (любила мыть, стирать) в прямом и переносном смысле этого слова: «Вода, вода!.. Вопль отчаянного желания!.. Стремление к чистоте, моральной чистоте...» [20, с. 60]. Вероятно, этим и объясняется на первый взгляд странное название одного из ее рассказов — «Записки прачки». Она считала себя «прачкой», очищающей, «отмывающей» мир.

В российской прессе имя Александрины Равиццы упоминалось крайне редко. В 1906 г. публицист В. Ф. Тотомианц представил в журнале «Современный мир» отчет о Первом международном конгрессе по борьбе с безработицей, где была такая фраза: «Итальянка А. Равицца, жившая в России и отлично говорящая по-русски, представила доклад о проституции, являющейся следствием безработицы» [14, с. 24].

В 1912 г. живший в Италии А. М. Горький предложил редактору «Вестника Европы» Д. Н. Овсяннико-Куликовскому опубликовать очерк «Мои воришки»: «Не покажется ли Вам интересным, пригодным для “Вестника Европы” и поучительным для русской публики прилагаемый перевод очерка А. Равиццы [так в тексте — *И. К.*]. Два соображения принудили меня предложить Вам этот очерк: мне кажется, что в России своевременно говорить о гуманизме и гуманитарной деятельности и что русское общество следует ознакомить с работой его женщин в Западной Европе. Такие фигуры, как Равицца, Кулешова (имеется в виду Анна Кулишёва. — *И. К.*)... а также русские женщины в других государствах и странах делают большое дело, знакомя иноземные общества с Русью и “русским духом” более успешно, чем газетные корреспонденции и книги о России, часто — почти всегда — поверхностные и неверные» [2, с. 410]. Горький отправил своему корреспонденту этот очерк в русском переводе. Однако «Вестник Европы» опередил журнал «Нива», где очерк был опубликован (в двух номерах — № 19 от 12(25) мая и № 20 от 19 мая (1 июня) 1912 г.) вместе со статьей о Равицце «Мадонна бедных», написанной Адой Негри.

В конце 1960-х гг. читатели в нашей стране смогли познакомиться с очерком Г. О. Сутеева об известном скульпторе-мордвине Степане Дмитриевиче Эрзе (Нефёдове, 1876—1959), где упомина-

ется имя меценатки. Сутеев называет ее «Равицци» — вероятно, так произносил это имя Эрзья. Приехавший в Италию в 1907 г. (а не в 1906 г., как принято считать) скульптор только начинал самостоятельный путь в искусстве. Не владевший иностранными языками, почти не имевший в Милане знакомых, страдающий от одиночества и ностальгии [см. об этом: 3, 4], он находился в крайне бедственном положении и был вынужден зарабатывать на жизнь в типографии издательского дома Рикорди (у Сутеева — «Риккорди»). Сутеев писал: «...в начале 1908 года Эрзья встретился с известной русской меценаткой Равицци. Равицци имела открытый салон. У нее бывали виднейшие представители литературно-художественного и артистического мира Италии. Скульптор был благосклонно принят меценаткой. Он явился с фотографиями своих работ. Работы понравились, в особенности “Тоска” и “Поп”. Эрзья получил приглашение бывать в салоне Равицци» [12, с. 26—27].

Альфредо (Альфред) Кан, автор большого очерка об Эрзье, вышедшего отдельным изданием в Буэнос-Айресе в 1936 г., подчеркивал: «Именно в художественно-литературном салоне синьоры Равицци [у Кана — «Ravitzzi»], жены богатого промышленника, Эрзья получил первое полуофициальное признание» [17, с. 61].

Автор рукописи об Эрзье, датированной 1921—1922 гг., хранящейся в его личном фонде в Отделе рукописей Государственного Русского музея (предполагаем, что автор С. Розанов), пишет, что Эрзье «удалось познакомиться с одной из русских особ, жившей в Милане замужем за местным итальянским богачом и занимавшейся до некоторой степени покровительством искусствам. По крайней мере, у нее было нечто вроде школы, где занимались и живописью, и скульптурой, и столярничеством в одной и той же студии. Пригласили туда и Эрзью. Но почему-то работать он там не привился, хотя работы его и понравились» [11, л. 3]. Вероятно, речь идет о художественной студии Гуманитарного общества. Однако скульптор мечтал о самостоятельном творческом пути в большом искусстве.

Как утверждают все названные авторы, Равицци дала Эрзье рекомендательное письмо к авторитетному миланскому искусствоведа и критику Уго Неббия (Неббиа): «Эрзья получил рекомендательное письмо к инспектору музеев в Ломбардии — Уго Неббиа... В письме Равицци просила Уго Неббиа ввести своего протеже в круг художни-

ков и оказать содействие в помещении на выставку его работ», — пишет Сутеев [12, с. 27]. Как сообщает Кан, «Уго Неббия, талантливый критик... предоставил Эрзье все необходимое для работы, написал в "Jiovinezza" — журнал итальянской молодежи — статью под названием "Воспоминание об одном русском новогоднем празднике", к которой Эрзья приложил восемь рисунков» [17, с. 62]. Автор имеет в виду статью Неббии «Воспоминания о Рождестве в России», опубликованную в январе 1909 г. в миланском молодежном еженедельнике «Джовинецца». Это была первая публикация о российском скульпторе в итальянской прессе. Неббия вводит Эрзью в объединение миланских художников «Famiglia artistica milanese», способствует его участию в VIII Венецианской биеннале с работой «Последняя ночь приговоренного к смертной казни». С этого началась европейская известность российского скульптора.

К сожалению, в художественных произведениях об Эрзье образ Равиццы («Равицци») весьма далек от действительности, что неудивительно, поскольку авторы не имели о ней никакой информации, кроме нескольких строчек из очерка Сутеева. Мордовский писатель А. Моро писал о скульпторе в своем романе: «Он получил приглашение от русской меценатки Равицци, в салон которой собирались все знаменитости литературно-художественного и артистического мира Италии. Правда, Степан не любил сборищ, где много говорили, спорили и веселились. Ему, человеку дела, жаль было транжирить время и силы на светские развлечения. Но... он знал, что нравы общества таковы, что без влиятельных особ трудно пробить стены равнодушия... Степан стал бывать в салоне часто. Неловкий и молчаливый, он производил впечатление жалкого, приниженного нуждой человека, заслужившего снисходительное отношение к себе, этакий неудачник в жизни. Но встречались и там люди с теплым сердцем и неподдельной верой в человека. С ними он находил общий язык и быстро располагал их к себе. Вскоре он привык к этому обществу и уже не выглядел больше дичком. Госпожа Равицци, убедившись, что в этом "экзотическом мордвине" что-то есть, однажды подозвала его к себе и вручила рекомендательное письмо к... Уго Неббия» [7, с. 52]. Писатель вкладывает в уста Эрзьи такие слова: «Оскудела земля талантами, мутным потоком идет серость и мелкота, что мы видим — извращенность вкусов, потерю великих традиций, сплош-

ное угодничество и уродство... Вот какая дьявольщина происходит в искусстве... Оттого и не верю госпоже Равицци, хотя и преклоняюсь перед ее щедростью, с которой она покровительствует музам» [Там же, с. 52]. Подчеркнем, что никаких намеков на то, что Эрзья в чем-то «не верил» Равицце, ни в одном из документальных источников, написанных со слов самого скульптора, нет. Равицца видела свое призвание именно в том, чтобы помогать «неудачникам в жизни»: «Истощенные женщины, испорченные подростки, мужчины-безработные, выходцы из тюрем с “волчьим паспортом”, безродные нищие, непризнанные поэты — все те, кто не мог или не хотел направить в определенное русло свою жизнь, приходят к ней», — подчеркивала Ада Негри [8, с. 375].

Автор повести об Эрзье Ю. Н. Папоров, упоминая «Равицци», отмечает лишь, что она «была набожна» [9, с. 57], и это также абсолютно не соответствует действительности. Столь же далек от нее мордовский писатель К. Г. Абрамов, описывающий «Равицци» как объект сексуального интереса: «невысокая, пышная женщина лет пятидесяти, еще вполне сохранившаяся, с нежным оттенком кожи. Роскошные темные волосы без единой ниточки седины спереди схвачены сверкающей диадемой. Окинув Степана пристальным взглядом небольших карих глаз, она пригласила гостей присесть» [1, с. 145]. Один из персонажей романа предлагает Эрзье «приударить» [Там же], «поволочиться» [Там же, с. 147] за ней. В доме «Равицци» все свидетельствует о роскоши: «огромный зал, увешанный картинами», «низкие турецкие диваны, накрытые яркими коврами», «паркет, начищенный до блеска» [Там же, с. 145]. Она — «добрая», но окружена «толпой многочисленных поклонников» — «пустых никчемных людишек» [Там же, с. 150]. Сравним это описание вымышленной «Равицци» с тем, какой видела подлинную Равиццу Ада Негри в период знакомства меценатки с Эрзей: «Это уже старая женщина, одетая в черную поношенную юбку, с выцветшей... черной шалью на плечах...» [20, с. 53]. Она высокая, массивная, у нее «широкий большой лоб — в ореоле мягких серебристых волос» [Там же, с. 8].

Подчеркнем также, что салон меценатки посещали люди, составлявшие подлинный цвет миланской интеллигенции. Здесь думали не о «развлечениях», а о том, как изменить мир к лучшему. Это было «привилегированное место встречи и диалога, подготовки и распро-

странения идей, призванных повлиять на жизнь города, который все больше и больше претендовал на то, чтобы считаться центром культурной жизни страны» [19, с. 16].

Сутеев писал, что в салоне Равиццы Эрзья «познакомился со многими представителями итальянского искусства. Особенно хорошие отношения установились у него с художественным критиком Рисса [так в тексте — *И. К.*] и артисткой Р.» [12, с. 27]. В оригинале очерка, хранящемся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, имена критика и артистки вписаны от руки латинскими буквами в машинописный текст [13, л. 20]. Для нас не подлежит сомнению, что художественный критик — это Витторио Пика (Pica, 1864—1930), в то время директор Венецианской биеннале (принявший работу Эрзьи на эту выставку). Пика также являлся главным редактором художественного журнала «Эмпориум», в котором постоянно публиковался Неббия. В 1915 г., уже после отъезда Эрзьи в Россию, журнал опубликовал статью Неббии о нем.

Имя артистки в оригинале очерка Сутеева читается с трудом (поэтому при издании редакторы ограничились аббревиатурой — латинским «Р»). Для нас совершенно очевидно, что имеется в виду ближайшая подруга Равиццы — Джасинта Пеццана (Pezzana, 1841—1919). Неверное представление сложилось об «актрисе Р.» у Папорова, который пишет об Эрзье: «...он напряженно работал и теперь уже под восторженные замечания театральной актрисы Р, с которой познакомился в салоне. Актриса не уставала утверждать, что стала лучше играть свои роли в театре оттого, что познала его “сарай” (т. е. его мастерскую)» [9, с. 57]. Следует подчеркнуть, что Пеццана была не только замечательной актрисой, у которой в свое время училась (работая с ней в одной труппе) великая Элеонора Дузе, но и выдающейся личностью, рассматривавшей свою деятельность как высокую миссию служения гуманистическим идеалам. В молодости она была близка к лидерам Рисорджименто (ее называли «актрисой Гарибальди»), тесно общалась с Лаурой Мантегаццей. На момент знакомства с Эрзьей Пеццане было около 70 лет, она имела мировую известность, за ее плечами были гастроли в разных странах, в том числе в России (в 1873 и 1880 гг.).

На рубеже 1910—1911 гг., когда Эрзья уже находился в Париже, Равицца начала сотрудничество с молодыми художниками-футу-

ристами, прежде всего с самым интересным и значительным представителем этого направления Умберто Боччони, в то время таким же неизвестным, непризнанным и бедствующим, как Эрзья. В начале 1908 г. Боччони был представлен Равицце руководством Гуманитарного общества. Как и в случае с Эрзей, Равицца познакомила молодого художника с Уго Неббией (который также вскоре начнет называть себя футуристом и создаст футуристическую группу художников «Новые тенденции» — «Nuove Tendenze»). Боччони и Равицца (как мы предполагаем, не без участия Неббии) приходят к идее организации в Милане первой Свободной художественной выставки, подобной Салону Независимых в Париже. Это была не обычная для Италии выставка — для привилегированного меньшинства, а художественный смотр без жюри, открытый для всех, кто хочет сказать новое слово в искусстве. Демократическое по своей сути начинание было основано на идее, что художественные потребности присущи не только привилегированному меньшинству, но являются коренным свойством человеческой природы. Гуманитарное общество предоставило Боччони помещение для работы над его масштабными полотнами «Труд» и «Возносящийся город», которые демонстрировались на выставке.

Выставка проходила в апреле — мае 1911 г. в заброшенном помещении, в котором некоторое время (1884—1889) размещалась типография Рикорди (Порта Виктория, 21). В ней приняли участие около 400 человек, было выставлено более 800 работ. «Гвоздем» смотра стали произведения футуристов — Боччони, Луиджи Русоло, Карло Карры. Вырученные средства были переданы Дому труда [21; 22, с. 103—104, 298]. На этом сотрудничество Равиццы с Боччони не закончилось: в 1912 г. вышел в свет отдельным изданием ее рассказ «Записки прачки». Обложка брошюры была украшена иллюстрацией знаменитого ныне футуриста.

Последние годы жизни Равиццы были трагичны. Ей, уже тяжело больной, пришлось пережить глубочайшие разочарования. С 1911 г. Дом труда находился в кризисном положении: его финансирование сокращалось, тогда как число безработных, нуждающихся в помощи, увеличивалось. Разрастался конфликт между руководством Гуманитарного общества, рассматривавшего Дом труда лишь как «компенсационный фонд для рабочих, временно потерявших

свое место», и Равиццей, открывшей его двери «для всех жертв социальной изоляции, прежде всего женщин и детей» [19, с. 18]. В 1913 г. руководители Гуманитарного общества приняли решение о закрытии Дома, что стало настоящим шоком для филантропки, увидевшей в этом символ наступления эпохи, главной ценностью которой являются деньги. Для Равиццы критерием важности ее дела была общественная польза, а не сиюминутная прибыль. Она продолжала бороться за Дом труда, но уже с чувством горечи и отчаяния. Начало мировой войны ознаменовало окончательный крах ее идеалов: мира и гармонии между народами, социальной справедливости, обновления сознания, человеческой солидарности и взаимоуважения.

Александрина Равицца умерла в Милане 22 января 1915 г. (в некоторых источниках день смерти указан неверно — 15 января). 21 марта того же года Гуманитарное общество посвятило ей торжественное собрание в помещении Народного театра. В большой речи, с которой выступила Ада Негри, были такие слова о последних днях жизни филантропки: «Она страдала. Вспышки огня на горизонте, первые массовые убийства, запах пыли, кошмар. Лавина итальянских эмигрантов... в товарных поездах, в вагонах для скота... Война!.. Это было зло, которое Александрина Равицца не могла ни предотвратить, ни излечить! То, что составляло смысл ее существования — вера в братство, равенство, сострадание, любовь — рассыпалось, превратилось в груды пепла... Тихо и спокойно-безнадежно она сказала мне, что хочет умереть. Но она стояла — титаническим усилием воли — оставалась стоять... помогая тем несчастным, кого первый кризис войны привел к дверям Дома труда. Европа в огне и дыму, развалины вместо соборов, трупы вместо посевов... Она больше не хотела видеть этого. Лежа на кровати в маленькой скромной комнате, она отвернулась к стене и умерла» [20, с. 55—59]. Филантропка не узнала, что через несколько месяцев в войну вступит и Италия, что Умберто Боччони уйдет добровольцем на фронт, где погибнет в 1916 г. в результате несчастного случая, и его смерть, как и гибель в бою архитектора Антонио Сант'Элиа, входившего в группу Неббии «Новые тенденции», станет концом итальянского футуризма.

В честь Александрины Равиццы названы улица и большой парк в юго-восточной части Милана. Ее идеи и деятельность стали фундаментом современной концепции социальной политики.

* * *

1. Абрамов К. Г. Степан Эрьзя: роман: 2-е изд. М.: Сов. Россия, 1981. 384 с.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. Т. 10. Письма, апрель 1912 — май 1913. М.: Наука, 2003. 784 с.
3. Ключева И. В. «Дорогой друг Матильда Давидовна...»: письма С. Д. Эрьзи к М. Д. Рындзюнской как источник изучения его биографии и творчества // Центр и периферия. 2014. № 4. С. 36—42.
4. Ключева И. В. Загадка «графини А.»: к научному изучению биографии Степана Эрьзи // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. № 2. С. 41—54.
5. Кузнецов В. Суперпапа: развивающие игры. URL: http://thelib.ru/books/kuznecov_viktor/superpapa_razvivayuschie_igry-read.html (дата обращения 03.05.2016).
6. Монтессори М. Метод научной педагогики. Дом ребенка. М.: Астрель: АСТ; Владимир ВКТ, 2010. 269 [3] с.
7. Моро А. Степан Эрьзя: док.-худож. роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. 336 с.
8. Негри А. Мадонна бедных // Нива. 1912. № 10. С. 374—375.
9. Папоров Ю. Н. Великий Эрьзя. Признание и трагедия: лит.-док. повесть. Саранск, 2006. 424 с.
10. Равицца А. Мои воришки. Из жизни подонков Милана / пер. с итал. В. Владнева // Нива. 1912. № 10. С. 375—376.
11. [Розанов С.]. Скульптор С. Эрьзя. Его жизнь и творчество (1921—1922). [Рукопись]. Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—10 об.
12. Сутеев Г. [О.] Скульптор Эрьзя. Биографические заметки и воспоминания / сост. Г. Горина; ред. В. Сутеев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 176 с.
13. Сутеев Г. О. Степан Дмитриевич Эрьзя. Биографические заметки. Воспоминания. 1926 г. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 560. 208 л.
14. Тотомиянц В. Первый интернациональный конгресс для борьбы с безработицей // Современный мир. 1906. № 12 (дек.). С. 17—25.
15. Aleramo S. Andando e stando. Milano: Giangiacomo Feltrinelli Editore, 1997. P. XXII—258.
16. Alessandrina Ravizza, la signora dei disperati / a cura di G. Nuvoli e C. A. Colombo. Milano: Umanitaria-Raccolto Ed., 2015. 320 p.

17. Cahn A. Erzia. La vida y la obra rebeldes y peculiares de Stefan Nefedov. Buenos Aires: Talleres Graficos A. J. Weiss, 1936. 103 p.

18. Dizionario Biografico delle Donne Lombarde 568—1968 / a cura di R. Farina. Milano: Baldini & Gastoldi, 1995. 1190 p.

19. Luciani L. Alessandra Massini Ravizza // Camicia rossa. № XXXIV (2013. — № 4. — 2014. — № 1). P. 15—18.

20. Negri A. Alessandrina Ravizza (1846—1915). Orazione detta nel Teatro del Popolo, il 21 marzo 1915, in Milano // A. Negri. Orazioni. Milano, 1918. P. 3—63.

21. Oppi Fr. Boccioni e Alessandrina, la Milano che sale. La prima Esposizione d'Arte Libera in Italia // Alessandrina Ravizza. La signora dei disperati. Milano, 2015. P. 71—89.

22. Poggi Chr. Inventing Futurism: The Art and Politics of Artificial Optimism. Princeton Univ. Press, 2009. 374 p.

23. Scaramuzza E. La santa e la spudorata. Alessandrina Ravizza e Sibilla Aleramo. Amicizia, politica e scrittura. Napoli: Liguori Editore, 2007. 308 p.

УДК 008

А. Ю. Котылев

**Табличка «Осторожно, злая собака»
в современном городском пространстве**

Глобализация и стандартизация современного городского пространства жёстче обозначают границы частного домовладения. Одним из способов усиления границ является вывешивание предупреждающих табличек. Их создание является результатом свободного выбора хозяина дома. Во многих случаях таблички оригинальны. Они могут рассматриваться как вариант массового визуального творчества. Данный жанр является интернациональным.

Ключевые слова: символы границ, городская визуальная культура, массовое творчество.